

На внутреннем просмотре идей для печенья «Малыш Медвежонок» один за другим сменялись слайды. Пока это были лишь наброски для телевизионных роликов — предварительные сценарии, по которым предстояло выбрать лучшее, прежде чем нанимать звёзд и приступать к съёмкам.

В проекционном зале царил полумрак, изредка прорезаемый яркими вспышками при смене кадров. Атмосфера была оживлённой: каждый участник выходил к экрану, защищая свою идею под негромкий гул обсуждений.

Тяньши полностью оправдывала свою репутацию — даже новички выдавали на редкость удачные концепты. Ян Хэсюань и Эдисон сидели в первом ряду, время от времени обмениваясь удовлетворёнными кивками и понимающими взглядами.

Чэнь Вэньцзао и Лу Сяомань пристроились на самых задних местах. Будучи стажёрами, они стояли в очереди последними. Вэньцзао, для которого эта бессонная ночь над сценарием была первой и, судя по его виду, последней, всю использовал время, чтобы вздремнуть.

Лу Сяомань же, вытянув шею, во все глаза смотрел на чужие работы. Стоило ему увидеть что-то удачное, как он принимался неистово аплодировать. Каждый раз от этого грохота Вэньцзао испуганно подпрыгивал, понимал, что его черёд ещё не настал, и с обречённым вздохом снова проваливался в сон.

Ян Хэсюань то и дело оглядывался назад. Сотрудники, сидевшие за его спиной, в такие моменты замирали от восторга, принимая этот интерес на свой счёт. Они выпрямлялись, нацепляли маски скромного достоинства и втайне грезил о том, как этот проект вознесёт их в пантеон рекламных гениев...

Генеральный директор же каждый раз натыкался взглядом на Лу Сяоманя. Тот пялился в экран с прилежанием первоклашки. Издалека трудно было разобрать выражение лица, но глаза парня сияли в темноте так ярко, что Хэсюаню чудилось, будто перед ним парят два светящихся шарика.

— Следующий. Чэнь Вэньцзао.

— Второй, тебя зовут!

Предыдущая работа была скучной, и Сяомань аплодировал вяло, так что Вэньцзао успел крепко заснуть. Вскочив, он не сразу сообразил, где находится, и лишь поймав на себе многообещающий взгляд Эдисона, схватил флешку и поплёлся к трибуне.

— Кхм, — Чэнь откашлялся и открыл файл. — Знаете, в моём сценарии всё расписано предельно ясно. Так что я, пожалуй, воздержусь от комментариев. Просто смотрите.

Он нажал кнопку пуска и поспешно забился в угол.

На огромном экране возник текст:

Двое великих мастеров меча в стиле древних героев встречаются в пустыне.

Сверкают клинки. После короткой схватки один падает. Победитель приставляет острё к его горлу и чеканит: «Отдавай».

Побеждённый дрожащими руками протягивает золото (Победитель качает головой), драгоценные камни (Победитель качает головой), свитки с тайными техниками (Победитель качает головой), векселя, закладные на поместье, даже долговые расписки на жену и сына (Победитель неумолим).

Крупным планом: искажённое ужасом лицо побеждённого, немой крик.

Смена кадра: Победитель уходит вдаль, на ходу аппетитно жуя печенье «Малыш Медвежонок». Побеждённый рыдает в песках.

Печенье (крупный план). Слоган: «Нужно только оно».

В зале повисла мёртвая тишина. Три секунды все заворожённо смотрели на экран, после чего раздался самый громкий и массовый хохот за всю историю питчингов в Тяньши. Кто-то, задыхаясь от смеха, выкрикнул:

— Ну гений! Просто талант! Парень, ты что, решил нас так развлечь, видя, как мы упыхиваемся?

Многие ещё улыбались, ожидая, что Вэньцао вот-вот достанет настоящий вариант. Никто не мог поверить, что человек с таким уровнем пробрался в Тяньши, да ещё и по личному приглашению Эдисона.

Чэнь Вэньцао окинул аудиторию взглядом — в целом, реакция была предсказуемой, разве что шуму вышло многовато. Он вежливо улыбнулся и уже собрался уходить, когда снизу донёлся скрежет зубов Эдисона:

— Чэнь Вэньцао! Почему ты до сих пор не сменил фамилию на «Чэнь Вэньцао»?! Травя ты подзаборная, а не литератор!

Зал снова взорвался смехом. Поистине, каков наставник, таков и ученик.

— Аха-ха, что поделать, — философски отозвался Чэнь, выдергивая флешку. — Креатив моего батюшки, имя я себе сам выбирать не мог.

Он боком выскользнул за дверь и припустил в сторону бухгалтерии, даже не рискнув остаться на выступление Лу Сяоманя.

— И последний. Лу Сяомань.

Лицо Эдисона приняло человеческий вид. Он обернулся к подбежавшему Сяоманю. Сидевший рядом Ян Хэсюань тоже невольно подобрался.

На экране возник глубокий синий фон. Раздался шум прибоя, крики чаек и далёкий, гулкий гудок парохода.

Заголовок: Братья — улыбка сквозь слёзы.

Подзаголовок: Не просто ешьте. Особый вкус печенья «Малыш Медвежонок» раскрывается через особый ритуал — «Покрути и обмакни».

Сценарий:

1. Двое братьев сидят друг против друга и едят печенье. Младший — ребёнок с особенностями развития; по его поведению и жестам сразу видно, что он отличается от обычных людей.
2. Старший брат аккуратно разламывает печенье. Младший, глядя на него, повторяет движение. Старший слизывает шоколадную начинку с одной из половинок — малыш осторожно делает то же самое. Затем старший снова соединяет половинки и показывает, что печенье нужно окунуть в стакан с молоком. Оба пробуют. Младший усердно жуёт, и на его лице медленно расцветает улыбка.
3. Старший берёт салфетку и бережно вытирает крошки с губ брата.
4. Камера отъезжает, показывая пачку печенья на столе. Старший, видя радость брата, невольно улыбается сам. Начинается череда воспоминаний:
5. Детство. Они играют на траве, возятся с игрушечной машинкой. Их первый, робкий выход на песчаный пляж. Годы спустя: младший бежит за старшим по лугу, спотыкается и падает. Брат с тревогой в глазах бросается на помощь, поднимает его. Ещё позже: младший, подражая старшему, с серьёзным видом вглядывается в морскую даль, а брат, обхватив его лицо ладонями, весело хохочет...
6. Серия кадров в тёплых, желтоватых тонах «ретро» подчёркивает глубину их связи. Пейзажи

моря и зелёных лугов перекликаются с сине-зелёной гаммой упаковки. Братья смотрят друг на друга. Кажется, малыш читает в глазах старшего бесконечную любовь. Они улыбаются — понимающе и искренне.

Финал:

Реклама воспекает совершенство и единство человеческой природы. Создавая человека, Бог вылепил лишь хрупкую оболочку, не обещая, что жизнь будет безупречной. Пусть эта «улыбка сквозь слёзы» пробудит в людях доброту и чувство прекрасного, заставляя стремиться к душевной чистоте на жизненном пути.

Пока Лу Сяомань негромким, мягким голосом читал текст со слайдов, в зале становилось всё тише. Он сам был глубоко погружён в образы, которые когда-то вдохновили его, и стоял, опустив голову, не видя ни изумления на лицах коллег, ни того, каким нежным, исполненным восхищения взглядом смотрел на него Ян Хэсюань.

Раздались первые хлопки, переросшие в шквал аплодисментов. Эдисон даже не удержался и одобрительно свистнул. Сяомань вскинул голову и, смутившись от такого приёма, часто заморгал, собираясь поскорее сбежать на место.

— Погоди, — внезапно прозвучал ровный голос Яна. Шум мгновенно стих. Сяомань замер, глядя на него.

— Идея хороша. Она полностью соответствует слогану компании «Цзялинь» — «Медвежонок всегда рядом». Однако, — Хэсюань сделал паузу, — способ употребления, описанный тобой, не является ключевым торговым предложением. Боюсь, потребители могут не принять такую подачу.

Сяомань почувствовал, как сердце уходит в пятки. Он не ожидал такого сухого, ничем не пронятого тона от босса.

— Но это правда вкусно! — выпалил он, отчаянно пытаясь защитить свой сценарий. — Честно, меня так брат учил! Вы просто попробуйте сами, и поймёте.

Некоторые из тех, кто уже мысленно похоронил свои шансы, злорадно заулыбались. «Босс видит всех насквозь», — читал Сяомань в их глазах. Они купились на эмоции, но профессионал сразу нашёл слабое место.

— Вот как? Но ты должен понимать: цель рекламы — стимулировать продажи. Если продукт вызывает у покупателя чувство чужеродности, кампания обречена.

Свет в зале включили. Сяомань смотрел на серьёзное, непроницаемое лицо начальника, и в груди у него росло чувство жгучей обиды. Он хотел что-то возразить, но слова застряли в

горле.

— По этой причине мы не можем выбрать твой вариант как основной, — продолжал Ян Хэсюань. — Впрочем, мы предложим его «Цзялинь» в качестве дополнительного варианта. Пусть решают сами.

Договорив, Ян ещё мгновение смотрел на поникшего парня, который лишь едва слышно буркнул «угу». Затем он кивнул присутствующим и неспешным, уверенным шагом вышел из зала.

Сяомань, только что чувствовавший себя на вершине мира, теперь ощущал себя так, будто его приложили обухом по голове. Он вложил в этот сценарий слишком много личного, и разочарование было невыносимым. Он даже не пытался скрыть свою грусть.

Эдисон, проходя мимо, сочувственно вздохнул и похлопал его по плечу, прежде чем броситься вдогонку за боссом.

Лу Сяомань уныло лежал на столе, крутя в пальцах карандаш. Он так и не дождался начальника и решил, что тот в нём окончательно разочаровался. В общем-то, справедливо: он так старался сделать рекламу красивой, вложить в неё свои самые светлые воспоминания о вкусе тех печений, что совсем забыл о маркетинговых задачах. При мысли о холодности босса на душе становилось совсем тоскливо.

Сяомань медленно встал. Бросил взгляд на часы. Пора уходить.

В это же время некий трудоголик и Эдисон сидели в баре.

— Шеф, ты перегнул палку.

— Я? — на Эдисона направился взгляд, острый, как бритва.

— Да ладно, я не в том смысле, что ты как босс плох. Ты-то всегда на высоте. Я о Лу Сяомане. Ты его просто раздавил.

— Детям полезно иногда получать по носу, — Ян спокойно пригубил напиток.

— Да он, небось, до сих пор в офисе тебя ждёт, — не унимался Эдисон.

— Эдисон, к чему ты клонишь?

— А? — Эдисон опешил от помрачневшего лица друга. — Да ни к чему. Так, мысли вслух.

Хэсюань был слишком проницателен, чтобы не понять подтекста, и это раздражало.

— Вот и ладно. Кстати, как там ваши дела с Лизой? Сдвинулось что-нибудь?

Эдисон тут же сдулся.

— Я в жизни не видел такой упёртой женщины. Представляешь, она до сих пор поминает тот случай с кошельком. Вбила себе в голову, что я трус, и всё тут. А дальше... эх, лучше не вспоминать.

— Ты тогда поступил правильно. Жизнь дороже денег, нечего было лезть на рожон к тем отморозкам. А то, что ты потом начал крутить романы ей назло...

— Знаю, сам виноват. Обида в голову ударила. А я-то откуда знал, что я такой чертовски обаятельный? Она меня игнорирует, я ищу красоток поярче, чтобы её задеть. И так завертелось... В итоге она вообще злиться перестала. А я... я как будто и впрямь стал таким бабником, — Эдисон горько усмехнулся. — Если бы не этот мелкий Сяомань, мы бы так до конца жизни и играли в эту дурь.

Ян Хэсюань смерил его ироничным взглядом.

— Довести игру в обиду до такого абсурда — это тоже надо талант иметь.

— Ну, ещё не всё потеряно! Мы же молоды, — Эдисон махом осушил стакан и щелчком пальцев потребовал ещё. — Знаешь, босс, я теперь немного начал понимать женское сердце. Оно ведь и холодное, и хрупкое одновременно. Ранить можно любой мелочью, а попробуй потом загладь... Глянь на меня: весь в шрамах, и душевных, и телесных. У неё в кабинете на столе нет ни одного предмета, который бы на мне синяка не оставил. А вчера захожу — глядь, а там швейцарский нож лежит. Эх.

Ян Хэсюань едва заметно усмехнулся.

— Сам виноват. Доверие — штука тонкая. Раз потеряешь — замучаешься возвращать.

— Это точно, — Эдисон уже заметно захмелел, слова начали заплетаться. — Но я всё думаю... Она ведь помнит, как нам было хорошо? Когда-нибудь она устанет со мной воевать. И тогда я скажу ей что-нибудь такое... что она меня простит. Хе-хе. Я теперь только и мечтаю, чтобы на нас какой-нибудь маньяк напал. Или хоть собака бешеная. Я б её зубами загрыз, лишь бы Лиза увидела, что я... я могу...

— Эдисон, ты пьян.

— Ну да, пьян! Так что ты, босс, на меня не обижайся. Лу Сяомань — славный малый. Я хоть и удивился сначала, столько лет его знал и не замечал... Короче, ты это... давай, действуй. И не смотри ни на кого. Я прикрою, если что.

— Ты точно пьян.

— А то!

— Ты вроде отпуск просил в этом месяце? Заказов много, так что забудь.

— Эй! Шеф, ты чего?!

— Эдисон, я ценю твою заботу. Но неужели ты думаешь, что на нынешнем этапе мне есть дело до того, что подумают окружающие? — Глаза Яна на мгновение недобро сверкнули, а вокруг него распространилась такая ледяная аура, что Эдисон мигом протрезвел. — Пусть помалкивают. А если кто-то решит раскрыть рот — я его растопчу. Втопчу в самую грязь так, чтобы он и ползать разучился.

— Ха-ха... Ну да, ну да. Кто ж пойдёт против нашего «Крёстного отца», — пробормотал Эдисон, впечатлённый внезапной вспышкой властности со стороны друга. Он предпочёл больше не развивать тему и просто налегал на выпивку, пока окончательно не отключился.

Ян Хэсюань посмотрел на товарища, уткнувшегося носом в стойку, и достал телефон.

— Алло.

— Слушаю, босс.

— Лиза, Эдисон в стельку. Мы в баре на Седьмой улице, на улице Чжунсин. Приезжай, забери его.

— Босс, я не думаю, что обязана...

— Он всё время твоё имя твердит, — перебил её Ян. — И мне его тащить не даёт. В общем, всё. У меня дела, я его тут оставляю. — И он нажал отбой.

Лу Сяомань зашёл в сеть строго в своё законное время для общения в QQ. Как и следовало

ожидать, «Акула Карибского моря» уже был на месте. Надо же, а он тот ещё любитель поболтать.

Шак: Маленькая черепашка, почему так долго?

Черепашка: Долго? Я всегда в это время выхожу.

Шак: Ну, как успехи? Был сегодня питчинг?

Черепашка: Угу. Ты выиграл.

Шак: Что случилось? Голос грустный.

Черепашка: Шак-Шак, мне так плохо на душе.

Шак: Вот как?

Черепашка: Мой сценарий не понравился. Босс меня отругал.

Шак: Отругал? Да не может быть!

Черепашка: Правда-правда! Хнык-хнык...

Шак: Черепашка, ты всё не так понял. Наверное, он просто был строг. Но для рекламщика это правильный подход. Мало придумать красиво, нужно думать о клиенте и рынке. Телереклама — это не кино, здесь каждый кадр должен бить в одну цель: желание купить.

Черепашка: Да, я понимаю. Ты дело говоришь. Просто босс во мне разочаровался. Мне от этого так паршиво.

Шак:...Прямо так паршиво?

Черепашка: Да. Он раньше был таким холодным, потом вроде оттаял, а теперь опять... ледышка.

Шак:...Он снова стал с тобой холоден, и ты из-за этого расстроился?

Черепашка: Ну да. Он же ко мне так хорошо относился, а я его подвёл. Эх, тоска...

Шак: Глупая ты черепаха!

Черепашка: Эй, ты чего обзываешься?

Шак: Ха-ха, забей. Знаешь, Черепашка, а я сегодня на редкость доволен.

Черепашка: Ну, поздравляю. А мне вот не весело...

Шак: Дурачок. Завтра он наверняка снова будет душкой. Кстати, ты спор проиграл, так что...

Черепашка: Раз проиграл — исполню!

Шак: Я пока не придумал, что с тобой сделать. Позже скажу.

Черепашка: Идёт! Срок годности желания — три года!

Шак: Ха, столько не потребуется.

<http://bllate.org/book/17579/1711480>